

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 4(65). С. 164–173
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2024;4(65):164–173

Научная статья
УДК 303.01:930.2
doi: 10.47598/2078-9025-2024-4-65-164-173

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В КАЧЕСТВЕ ИНДИКАТОРА НАСТОЯЩЕГО

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновая²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье показана природа одновременно страха будущего и надежды на то, что оно разрешит все проблемы настоящего. Раскрываются причины обращения людей к образам будущего и показаны пути возникновения футурологии как науки. Представлены варианты видения будущего в произведениях мировой литературы и кинематографа, а также в таких объектах массовой культуры, как почтовые открытки. Проанализирован психологический механизм воздействия символов будущего на настоящее и зависимость отбора этих символов от элементов в доминирующих в политическом и культурном коде в момент конструирования картины будущего.

Ключевые слова: история, политическое время, контуры будущего, футурология, мечта, хронополитика
Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Образ будущего в качестве индикатора настоящего // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 4 (65). С. 164–173. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-4-65-164-173>.

Research article

THE IMAGE OF THE FUTURE AS AN INDICATOR OF THE PRESENT

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Lyudmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article shows the nature of both fear of the future and hope that it will solve all the problems of the present. The reasons for people's appeal to images of the future are revealed and the ways of the emergence of futurology as a science are shown. The options for seeing the future in works of world literature and cinema, as well as in such objects of mass culture as postcards are presented. The psychological mechanism of the influence of symbols of the future on the present and the dependence of the selection of these symbols on the elements that dominate in the political and cultural code at the time of constructing the picture of the future are analyzed.

Keywords: history, political time, contours of the future, futurology, dream, chronopolitics

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. The image of the future as an indicator of the present. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2024;(4(65)):164–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-4-65-164-173>.

Длительную часть своей истории человечество прожило в модели циклического времени, где круг «жизнь — смерть — жизнь» задавал ритм не только хозяйственной деятельно-

сти, преимущественно аграрной, но и определял отношение ко всему, что могло случиться с людьми. В этой модели восприятия времени не существовало ни страха перед будущим, ни

гордости или стыда за прошлое. Девизом цикличности можно считать надпись на кольце царя Соломона: «И это тоже пройдет». Подавляющему большинству людей было не до размышлений ни о будущем, ни о прошедшем, поскольку в их настоящей жизни настолько остро стояла задача выживания, что ее выполнение не оставляло сил для темпоральных переживаний и экскурсов.

Интерес к прошлому возникает раньше, чем стремление представить будущее. Основаниями для пробуждения внимания к жизни предшественников стало укрепление собственности, становление государственности, развитие наук и искусств. Обращение к каждому из этих мотивов преследовало свои цели: доказать право на владение землей, людьми, иными ценностями; показать свое право на власть, полученное от героических предков; вернуть в мир научный и культурный багаж античности. Все эти цели были завязаны на утверждение обозначавших их личностей в настоящем, поскольку при всем величии многих фигур государственных и религиозных деятелей, ученых, писателей и художников позднего Средневековья и эпохи Возрождения их замысел концентрировался на выполнении текущей конкретной задачи.

Старт Промышленной революции, в корне изменившей быт и мышление людей, не вызвал немедленного интереса к будущему. Повседневность настолько плотно обволакивала сознание даже неординарно мыслящих личностей, что не позволяла им прорваться за оболочку реальности иначе, как в форме утопии. Однако при всей непохожести жизни в утопическом мире на существовавшие обстоятельства, утопия, скорее, отпугивала всех знакомящихся с нею, чем завораживала. Оказалось, что для открытия картины будущего необходимо серьезно улучшить жизнь в настоящем. Для этого следовало изменить порядок обладания собственностью, характер государственного устройства и обеспечить доступность науки и искусств для большего числа людей. Эти смыслы отразились в знаменитом революционном лозунге XVIII столетия «Свобода, равенство, братство!». Невозможно было рваться на баррикады и погибать в борьбе за независимость государства и права человека и гражда-

нина, не представляя себе, за что борешься. Романтизм этой борьбы заключался в том, что она уже шла не за корочку хлеба, а за то будущее, в котором об этой корочке не надо будет думать и за нее биться, часто насмерть.

Лишь такой основательный материальный фундамент мог стать опорой новой области знаний, касающейся прогнозирования будущего и получившей название футурологии (лат. *futurum* — будущее и греч. λόγος — учение) [1–3]. И хотя первые футурологические исследования относятся к концу XIX столетия, сама дефиниция появляется в разгар Второй мировой войны, в 1943 году, причем не в научной статье или монографии, а в письме немецкого юриста, политического социолога Осипа Флехтхайма (1909–1998) к английскому прозаику, писателю-фантасту, новеллисту и философу, автору широко известной антиутопии антиутопия «О дивный новый мир» (англ. *Brave New World*; 1932) Олдосу Хаксли (1894–1963) [4, с. 81–93]. И именно Хаксли принадлежит заслуга в популяризации этого термина, собирательно обозначившего попытки на основе анализа технологических, социально-экономических, политических и духовных достижений или просчетов настоящего выявить тенденции продвижения в будущее.

Одной из основных причин повышенного интереса людей к будущему выступает их страх перед приближающимися событиями, которые могут четко обозначаться многочисленными фактами, свидетельствующими о возможных негативных сценариях. Но эти предчувствия способны зародиться на основе высказанных в разные, порой очень давние, времена пророчеств о конце света. Это хронологическое оживление порой исключительно запутанных и сложно трактуемых источников, как например, Откровение Иоанна Богослова, также известное как «Апокалипсис», или календарь майя, можно рассматривать как проявление ранних форм темпорального интеллекта, стремящегося приоткрыть загадку времени, которая актуализируется по мере приближения к предсказанной дате [5, с. 20–28; 6, с. 90–97].

Еще один страх будущего связан с психологическими трудностями любого перехода, включая как пространственный транзит, так

и темпоральный. Поэтому переход через рубеж столетий, а еще более — через грани миллениумов всегда требуют дополнительной «страховки» [7, с. 14–29]. Раньше ее находили в религии. Есть средневековые рассказы, как люди встречали второе тысячелетие из-за боязни конца света, предсказанного в апокрифических Евангелиях, молясь и стоя на коленях. В 1492 году, когда ожидался восьмой миллениум от Сотворения мира, многие жители Старого Света были также уверены в близком пришествии Христа и не удосужились позаботиться о пропитании, посеяв злаковые, в результате чего наступил невиданный голод.

Эти же опасения были свойственны людям в конце XX века, только они отличаются от предшествующего опыта. Так, страх перед будущим попытались рассеять американские футурологи, в частности, Джон Несбитт и Патриция Эбурдин, выявившие десять мегатенденций мирового развития [8]. Внимание к их работе было обусловлено не только широтой охвата проанализированного материала, но и тем, что их прогноз опирался на весьма корректные оценки настоящего, в котором Д. Несбитт и П. Эбурдин сумели увидеть существенные сдвиги, наблюдаемые по нескольким принципиальным линиям мирового развития, в частности: по продвижению от индустриального общества к обществу информационному; переход от форсированного технологического развития к поиску инновационных технологий; укрепление основ мировой экономики при усилении проявлений децентрализации; отказ от институциональной помощи в пользу демократии соучастия; ослабление иерархических структур на фоне укрепления сетевых моделей взаимодействия; снижение доминирования Севера по мере выравнивания Юга; формирование возможностей множественного выбора. Все это предопределило и новую прогностическую парадигму, в которой могли уже превалировать долгосрочные прогнозы.

У этих авторов картина будущего рисовалась исключительно в мажорных тонах, поскольку ими предсказывались: мировой экономический бум; возрождение искусств; успехи приватизации; достижение гендерного равновесия; религиозное возрождение.

Главным стало их предвидение триумфа личности, который произойдет не только благодаря научно-техническому прогрессу, но и в результате переосмысления самого понятия «человек».

Пока сложно сделать окончательный вывод, насколько точны были известные футурологи в своих заключениях. Где-то, как в развитии телекоммуникаций или в том, что все чаще экономические проблемы берут верх над политическими, они оказались правы. Но в иных областях в XXI столетии проявились противоположные их прогнозу тенденции. Например, не наблюдается движения к глобальной свободной торговле. Всемирная торговая организация (ВТО) (англ. *World Trade Organization, WTO*) практически неработоспособна. Государства активно осуществляют протекционистские меры, а некоторые страны явно «заигрались» в политику санкций. Совсем наивными выглядит прогноз об избытии природных ресурсов. Хотя упомянутые выше авторы назвали этот процесс относительным, но данное смягчение не скрывает обратный результат. Нет и конкуренции стран в области снижения налогов, наоборот, налогов появляется больше и разных. Например, в Германии есть даже налог на дождь. Спорными представляются предсказанные успехи демократии. И совсем ошибочным выглядит прогноз об исключении войны как средства разрешения конфликтов.

Обращение к образам будущего может диктоваться чувством страха, однако, возможны и совершенно противоположные причины, когда общество рвется вперед, подгоняя время. Часто так бывает в постреволюционные периоды. Например, в молодой Советской России подобные проекты встречались с огромным энтузиазмом [9, с. 76–82; 10, с. 169–177].

Несмотря на частую несбыточность прогнозов, футурология как наука развивается и охватывает новые области исследования. Одной из них стало конституционное право, на базе которого формируются конституционное футуристическое право и конституционная футурология. Исследователи затрагивают проблемы поиска конституционного идеала, критериев состояния, тенденций и перспектив конституционного развития через призму фундаментальных ценностей, целей и приоритетов

совершенствования основных законов и специфики конституционного строя в глобальном измерении, а также на примерах Российской Федерации [11].

Уже сегодня будущее реализуется в многочисленных инновационных центрах. Важно подчеркнуть, что помимо собственно научных изысканий в таких кластерах идет, во-первых, работа по популяризации проектов, связанных с образами будущего, во-вторых, ряд из разработок, связанных с футурологией и жанром фантастики, получают реализацию, становятся прибыльными. Так, среди первых проектов, отобранных инновационным центром «Сколково», которые этот центр собирается финансировать, — проект известного кинорежиссера Тимура Бекмамбетова, который упрощает технологию перевода текста в визуальное изображение и наоборот, а кроме того, дает возможность быстро и дешево создавать контент в 3D.

Надо осознавать, что невозможно реализовать все, даже гениальные, предсказания об устройствах будущего. Но само по себе поучительно проанализировать предсказания, сделанные в художественных произведениях разных жанров, с точки зрения их вклада в изменение поведения человека и его стремление избежать техногенной катастрофы. Особенно много сбывшихся прогнозов у писателей-фантастов.

В первую очередь необходимо выделить их предсказания появления космических ракет, например, в романе Жюль Верна (1828–1905) «С Земли на Луну», изданной в 1865 году, можно было прочесть о лунных модулях, солнечных парусах и высадке человека на Луну. Спустя сто лет эти «предсказания» известного фантаста стали реальностью. Не менее часто в таких произведениях можно встретить упоминание спутников. Научный фантаст Артур Кларк (1917–2008) в книге «Мир без проводов» «ввел» их в наш мир задолго до появления таких космических аппаратов. А Кларк уверял, что любая продвинутая технология неотличима от магии.

«Война миров» Герберта Уэллса (1866–1946) принесла информацию о тепловых лучах, которыми пришельцы уничтожали своих противников. Ныне ряд разновидностей во-

енных лазеров способны сбивать летящие ракеты. Звуковые пушки, подобные Long Range Acoustic Device (LRAD), использовались британскими войсками, охраняющими Олимпийские игры 2012 года в Лондоне.

Интерес писателей-фантастов всегда вызывали глубины Мирового океана. В 1870 году, когда увидела свет книга Жюль Верна «20 тысяч лье под водой», уже существовали подводные лодки, приводимые в движение человеческой силой. Однако писатель придумал «Наутилус», явившийся вдохновением для создания баллистических субмарин с независимой двигательной системой. А переносная система для погружения капитана Немо, описанная в романе, представляла собой прообраз акваланга.

В 1897 году была издана одна из научно-фантастических новелл Герберта Уэллса «Человек-невидимка». Сегодня эти идеи воплощены и активно применяются в стелс-самолетах, невидимых для радаров, метавещественном камуфляже, представляющим собой субстанцию, которая способна изгибать часть светового спектра вокруг себя и оставаться невидимой. Некоторые эксперты уверяют, что созданы, но сохраняются в секрете невидимые танки.

В 1920 году Карел Чапек (1890–1938) вместе со сценарием научно-фантастической пьесы «Россумовские универсальные роботы» (*R.U.R.*, сокращение от чеш. *Rossumovi univerzální roboti*) подарил миру идею искусственных людей, введя термин «роботы». Сейчас роботы стали вполне обыденной частью нашего мира, наблюдаемой в быту (робот-пылесос) или в военной сфере (беспилотники). А близкие к облику человека роботы ASIMO получили название в честь Айзека Азимова (1919/1920–1992), разработавшего знаменитые «Три закона робототехники».

Предсказали фантасты и космические путешествия. Сегодня этот вид туризма набирает обороты. Впервые мы узнали о нем из фильма Стэнли Кубрика (1928–1999) «Космическая одиссея» (англ. *A Space Odyssey*, 1968). Пассажиры, имеющие финансовые возможности, могут отправиться на Международную космическую станцию (МКС). Частные компании принимают заявки на орбитальные и суборбитальные полеты.

Поучительно то, что авторы задумывались и о том, как с использованием новых технологий организовать быт людей. Во многих фантастических произведениях герои передвигаются на летающих автомобилях. Для наших современников *Terrafugia Transition Roadable Aircraft* оказалась первой коммерчески доступной летающей машиной. Подобные устройства способны превращаться из самолета в автомобиль и обратно. Не забыли авторы и о домашних приспособлениях. Так, упоминание о водяных матрацах впервые встречается в книге Роберта Хайнлайна (1907–1988) «Чужак в чужой стране» (1961). Первая водяная кровать появилась спустя семь лет после выхода книги. В уже упоминаемом романе Р. Хаксли «О дивный новый мир» можно найти предсказания всего того, что бы имеем. Он сумел предугадать такие достижения генной инженерии, как дети из пробирок и клонирование. Еще в этой антиутопии есть упоминания о наркотиках хорошего самочувствия, близких к антидепрессантам.

Многие образы будущего уже давно были визуализированы благодаря кинематографу. В 1929 году режиссер Фриц Ланг (1890–1976) снял один из первых приключенческих фантастических фильмов «Женщина на Луне» (нем. *Frau im Mond*), где он представил детали запуска ракеты, с чем пока даже не экспериментировали ученые. В 1996 году в конце фильма «Кабельщик» (англ. *The Cable Guy*), снятого режиссером Беном Стиллером в жанре черной комедии с элементами триллера, герой Джима Керри высказывает достаточно убедительное пророчество: «Будущее уже наступило. Вскоре в каждом доме в Америке телевизор, телефон и компьютер сольются воедино. На одном канале можно будет посетить Лувр, а на другом посмотреть женский рестлинг. Можно будет совершать покупки из дома и играть в *Mortal Combat* с другом из Вьетнама». Безусловно, это предсказание, высказанное под занавес двадцатого столетия, не звучало революционно, но многое из перечисленного все же представлялось достижением не близкого времени, а на практике реализовалось уже в самом начале нового века.

Чем больше появлялось предвидений будущего в художественной литературе и кинема-

тографе, тем мрачнее выглядели эти прогнозы в научной сфере, где неминуемо наступало время «пределов роста». Хотя одновременно с апокалиптическими предсказаниями все активнее предлагались пути ухода от катастрофы. Некоторые из них были сугубо технологическими, но вместе с тем можно найти убеждения в необходимости роста доверия между людьми, перехода на бережливое потребление, сотрудничество соперничающих государств в космосе и проч.

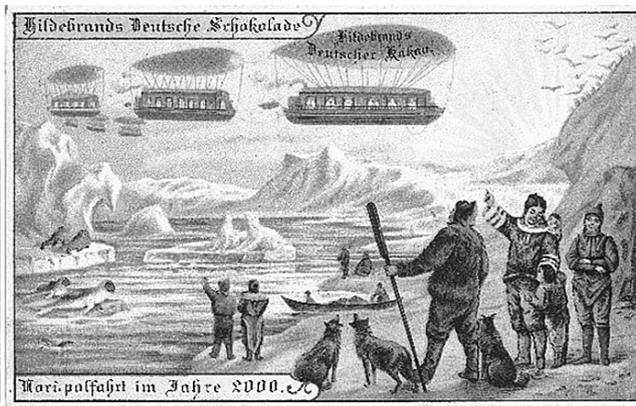
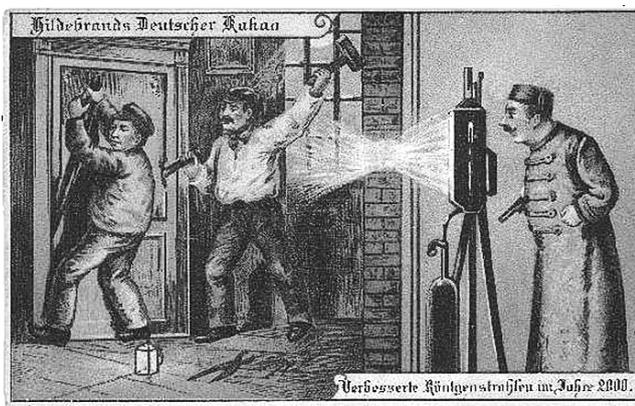
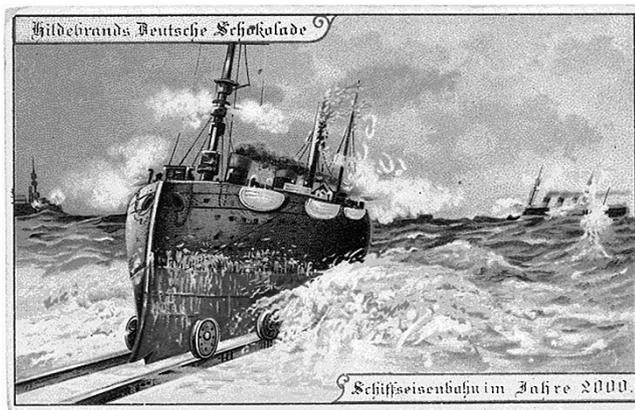
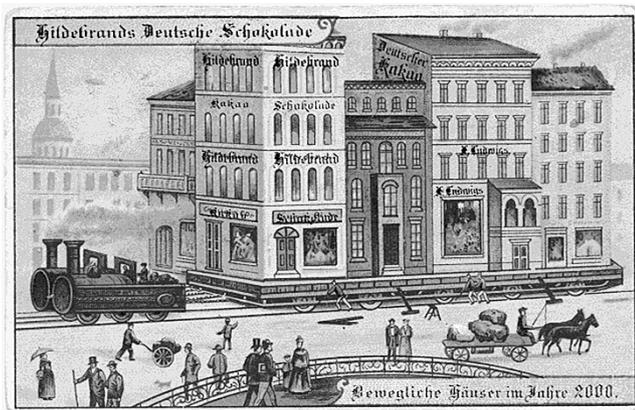
Также невозможно пройти мимо тех примеров визуализации будущего, которые были рассчитаны на широкую публику, представляли исключительно мажорные картинки в прямом смысле, поскольку были выполнены в виде открыток. А в переносном смысле они рисовали мир будущего не просто комфортным и безопасным, но еще и радостным. Любопытно, что наиболее известные предложения были изготовлены художниками по заказу кондитерских предприятий, что говорит о том, что они преследовали цель прорекламировать сладкую жизнь. В 1900 году по заказу немецкой шоколадной фирмы *Theodor Hildebrand & Son* была издана серия из 12 почтовых открыток, на которых изображалась жизнь людей через сто лет. Это предприятие, основанное в 1817 году, с полным правом можно было назвать новатором. На нем первыми в Германии стали использовать паровую энергию на производстве. Неудивительно, что в 1900 году, накануне Всемирной выставки в Париже, которую посетили рекордные 50 млн чел. (русский отдел выставки занимал самую большую площадь), компания решила внести свой вклад в визуализацию будущего. Среди инженерно-технических изобретений будущего на открытках, которые распространялись в коробках шоколада «Германия в 2000 году», были представлены: индивидуальные летательные аппараты, движущийся тротуар, система охраны зданий с помощью рентгеновских лучей, машина для хорошей погоды, перекрытый куполом город, воздушный личный транспорт, передача изображения и звука на расстоянии, перевозка дома на поезде, туристические подводные лодки и др. Многие из изображенного оказались предугаданным с редкостной точностью.

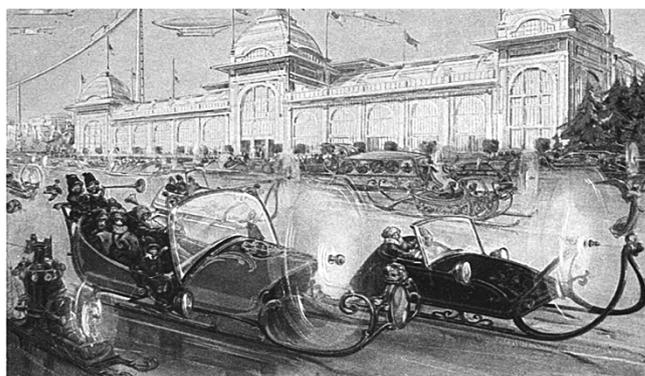
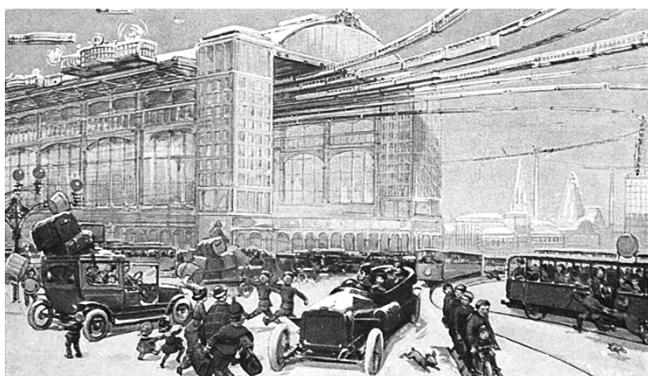
Например, поражает предвидение появления телевидения. Известно, что первые практические опыты в этой области начались только в 1907 году, а прототип телеприемника появился в 1911 году. В 1923 году российским изобретателем Владимиром Зворыкиным был продемонстрирован первый «иконоскоп». Открытки с нарисованным действием «X-лучей», благодаря которым полиция в «прямом эфире» может наблюдать за преступлениями, стали прообразом современных видеокамер.

В 1914 году по заказу товарищества «Эйнем» с рекламной целью были выпущены открытки, позволяющие представить, как могла

выглядеть Москва через сто и двести лет. Кто был автором этих изображений, не известно.

На открытках Петровский парк изображен с широкими аллеями и фонтанами. В Путевом дворце располагается музей периода Петра I. Над парком летают аэропланы и дирижабли. На перегруженной транспортом Красной площади к существовавшим в 1914 году Кремлю, окрашенному в белый цвет, зданию Исторического музея, памятнику Минину и Пожарскому прибавилось несколько высотных построек, через которые проложена подвесная железная дорога. Также есть изображение Москвы-реки с Софийской набережной, на которой виднеет-

ся что-то похожее на Крымский мост или мост Золотые Ворота в Сан-Франциско. В описании говорится, что река позволит ходить по ней крупным судам и устроить большой торговый порт. На Театральной площади также расположено здание Большого театра, но рядом с ним вместо Малого театра находится огромное здание, вероятно, торгового предназначения. Отсутствие Малого театра, как и пожарная машина на открытке, напоминают о сильном пожаре, который случился в здании этого театра в мае 1914 года. А на Лубянской площади можно даже увидеть что-то похожее на нынешний Детский мир. Авторы открыток пожелали, чтобы в Москве 2114 года появился Центральный вокзал, располагающийся на месте платформы Каланчевской и соединяющий линии наземного и воздушного транспорта. Также желающим

предоставлялась возможность передвижения «с быстротой телеграмм». На современном Ленинградском проспекте в 2259 году зимой вместо асфальтового устраивалось ледяное покрытие, по которому мимо ресторана «Яръ», располагающегося в том месте с 1826 года, двигались азросани.

Каждая эпоха демонстрирует свое видение будущего по-своему. В 2024 году Национальный центр «Россия» также представил образы будущего, характерные для нашего времени. Экспозиция выставки «Наследие для будущего» была разделена на три главы. Первая продемонстрировала преемственность традиций и инноваций. По замыслу организаторов, эти картины того, как смелые мечты фантастов превратились в настоящее изобретение, должны побуждать стремление к изобретательству.

В экспозиции «Создавая будущее» представлены «стена идей» и «стена изобретений». На первой стене показаны произведения писателей-фантастов, где отражены идеи будущих изобретений. А на второй — конкретные проекты, ставшие реальностью спустя много лет после того, как их описали авторы.

Вторая глава выставки позволила увидеть 250 произведений молодых художников из шести стран: России, Китая, Индии, Бразилии, Эфиопии и Ирана. Молодые авторы размышляют о настоящем, выражая отношение к прошедшим событиям и задумываясь о будущем. Центральным экспонатом стал «Дитя Земли» — уменьшенная копия скульптуры гигантского младенца, созданной с помощью 3D-технологий и расположенной в пустыне Гоби. Оригинал этой работы исполнил Донг Шубинг — представитель современного китайского искусства, профессор университета Цинхуа, одного из ведущих учебных заведений Поднебесной. Скульптура признанного мастера, призывающая к размышлению о неразрывной связи людей с планетой, о хрупкости человеческой жизни и ее ценности, помещенная в окружение работ молодых художников, также еще и символизирует учителя среди учеников.

Третьей частью выставки стал лекторий, который является площадкой для дискуссий о мире. В этом пространстве посетители смогут не только осмыслить существующие идеи, но и предложить свои собственные.

К окончанию первой четверти XXI века человечество сумело накопить, но не смогло систематизировать весьма противоречивые пред-

ставления о том, как может выглядеть будущее [12, с. 150–165]. При всем разнообразии многочисленных вариантов совершенно очевидно, что каждый из них является картиной, закодированной в соответствии с социально-экономическими, политическими и духовными образами настоящего, детерминированными конкретными обстоятельствами жизни и набора идеалов, утвердившихся в отдельных государствах или регионах мира.

В зависимости от степени сложности бытия элементы этого кода складываются по законам определенного жанра. При необходимости нахождения инструментов социально-политической мобилизации с целью выхода из кризиса образ будущего облекается в форму мечты [13, с. 193–203]. Для утверждения правильности политического курса, которым следует государство, таким жанром мог стать программный манифест, наподобие Программы КПСС, принятой на XXII съезде партии в октябре 1961 г. и обещавший, что уже то поколение советских людей станет жить при коммунизме. А это, безусловно, можно отнести к жанру утопии [14, с. 30–33].

Будущее не стабильно, его сложно обрисовать в точных цифрах и четких образах. Но при этом его свет похож на свет маяка, который помогает ориентироваться не в пространстве, а во времени. Отсюда возрастает значимость исследований политического времени или хронополитики, поскольку без понимания того, как плетется ткань времен, можно запутаться в ней, подобно паутине, вместо того, чтобы следовать за ее волшебной нитью к намеченной цели [15].

Донг Шубинг. Дитя Земли

Список источников

1. Аль-Халили Дж. На что похоже будущее? Даже ученые не могут предсказать... или могут? Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. 356 с.
2. Андреев А. В. Футурология: краткий курс. Как предсказывать будущее, ловить черных лебедей и спастись от белых обезьян. Москва : RUGRAM_Пальмира, 2023. 224 с.
3. Турчин А. В., Батин М. А. Футурология: XXI век. Бессмертие или глобальная катастрофа? Москва : Бинном, 2013. 263 с.
4. Рочняк Е. В. Пять этапов развития футурологии как научной дисциплины: от преистории к современности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 2(45). С. 81–93.
5. Вознесенский И. С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20–28.
6. Вознесенский И. С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, Ч. 3, № 60. С. 90–97.
7. Терновая Л. О. Миллениум и Millennium: новые условия для межкультурного диалога // Россия в диалоге цивилизаций. Москва : РАГС, 2001. С. 14–29.
8. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000: Десять новых направлений на 90-е гг. / пер. с англ. Москва : Республика, 1992. 414 с.
9. Вознесенский И. С. Первая лига «Время»: российский опыт учета фактора времени в научной организации труда // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 4 (37). С. 76–82.
10. Терновая Л. О. От космопоэтических мечтаний и геокосмополитическим проектам // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 11 (113). С. 169–177.
11. Умнова-Конюхова И. А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура). Москва : РУСАЙНС, 2021. 286 с.
12. Ананченко А. Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 4. С. 150–165.
13. Терновая Л. О. Национальная мечта как индикатор и инструмент формирования политической реальности // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 193–203.
14. Терновая Л. О. Утопии и международные отношения на пространстве вымышленных миров // Государственная служба. 2016. № 4. С. 30–33.
15. Терновая Л. О. Хронополитика: особенности течения времени в международных отношениях. Москва : Этносоциум, 2015. 216 с.

References

1. Al-Khalili J. What is the future like? Even scientists can't predict... or can they? Moscow: Alpina non-fiction; 2020. 356 p. (In Russ.).
2. Andreev A. V. Futurology: a short course. How to predict the future, catch black swans and escape from white monkeys. Moscow: RUGRAM_Palmira; 2023. 224 p. (In Russ.).
3. Turchin A. V., Batin M. A. Futurology: the 21st century. Immortality or global catastrophe? Moscow: Binom; 2013. 263 p. (In Russ.).
4. Rochnyak E. V. Five stages of development of futurology as a scientific discipline: from prehistory to the present. *Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium = Vectors of well-being: economy and society*. 2022;(2(45)):81–93. (In Russ.).
5. Voznesensky I. S. The Temporal Component of Organizational Culture. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura = Ethnosocium and Interethnic Culture*. 2020;(1(139)):20–28. (In Russ.).
6. Voznesensky I. S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management. *Missiya konfessij = Mission of Confessions*. 2022;11,3(60):90–97. (In Russ.).
7. Ternovaya L. O. Millennium and Millennium: New Conditions for Intercivilizational Dialogue. *Rossiya v dialoge civilizacij = Russia in the Dialogue of Civilizations*. Moscow: RAGS; 2001. Pp. 14–29. (In Russ.).
8. Nasbitt J., Aburdine P. What Awaits Us in the 90s: Megatrends. Year 2000: Ten New Directions for the 90^s / transl. from English. Moscow: Respublika; 1992. 414 p. (In Russ.).
9. Voznesensky I. S. The First League "Time": Russian Experience of Taking into Account the Time Factor in the Scientific Organization of Labor. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2017;(4(37)):76–82. (In Russ.).
10. Ternovaya L. O. From Cosmopoetic Dreams to Geocosmopolitan Projects. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura = Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2017;(11(113)):169–177. (In Russ.).

11. Umnova-Konyukhova I. A. Constitutional Futuristic Law and Constitutional Futurology in the 21st Century. (Postgraduate, Bachelor's, Master's). Moscow: RUSAINS; 2021. 286 p. (In Russ.).
12. Ananchenko A. B. The Image of the Future as a Specific Historical, Theoretical, and Political-Applied Problem. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury`, smy`sly` = Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2023;14(4):150–165. (In Russ.).
13. Ternovaya L. O. National Dream as an Indicator and Instrument for Forming Political Reality. *Srednerusskij vestnik obshchestvenny`x nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2013;(3):193–203. (In Russ.).
14. Ternovaya L. O. Utopias and International Relations in the Space of Fictional Worlds. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Service*. 2016;(4):30–33. (In Russ.).
15. Ternovaya L. O. Chronopolitics: Features of the Flow of Time in International Relations. Moscow: Ethnosocium; 2015. 216 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор;
Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about the authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Professor, Director;
L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 23.12.2024.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 23.12.2024.